

СЕЙЧАС

1

Я — убийца.

Это не лучшее утро в моей жизни. Поспать ночью толком не удалось. Сначала я забрался в парк приключений к нашим конкурентам, попал там в передрагу и убежал и от полиции, и от бандитов. Потом кружными путями вернулся домой, где сказал недоумевающей Лауре, что не отвечал на звонки, потому что выключил телефон и забыл его в прихожей на шляпной полке. Остаток ночи я пролежал, размышляя о ситуации, в которую угодил.

Кстати, о телефоне. С самого утра он разрывается от сообщений по поводу поездки в Париж и совместного приготовления пиццы: папаши одноклассников Туули из экономии отправляют сообщения через Вотсап. Взволнованные сотрудники моего парка тоже строчат мне в общем чате. И все хотят от меня одного: чтобы я решил их проблемы.

Заставляю себя позавтракать.

Есть действительно хочется, это факт, но даже простое пережевывание и глотание пищи требуют к себе некоторого внимания. Трудно продумывать совместную поездку на экоферму за органическими продуктами для пиццы, когда из головы не выходит, что я теперь не только подозреваемый

в убийстве, но и без пяти минут банкрот. Ржаные лепешки, нарезка из индейки, йогурт и чай кажутся совершенно несъедобными, словно я пытаюсь жевать собственную рубашку, или грызть стол, или откусывать от чего-то еще, не предназначенного в пищу. Тем не менее мне удастся поесть; я загружаю посудомоечную машину и впервые испытываю облегчение от того, что сегодня Лауре Хеланто некогда сидеть со мной за завтраком.

Она проснулась позже меня; я слышал, как она умывается, потом одевается в прихожей. Лаура, не завтракая, отправляется в свою мастерскую, где ее ждет посылка с материалами для работы.

Мысль о том, что сегодня утром мне легче без Лауры, немножко терзает меня, как будто я ей изменяю. Разумеется, все не так однозначно, это я понимаю. И в который раз спрашиваю себя: неужели все супруги, имеющие секреты друг от друга, ведут себя так же: прячутся на кухне, не желая рассказывать близкому человеку о том, что их подозревают в убийстве, и дожидаются, пока тот уйдет по своим делам, втайне надеясь, что эти дела не связаны с промышленным шпионажем, погонями, преследованием и смертоносными вафельными рожками.

Я захлопываю дверцу посудомоечной машины и бреду в ванную, отмечая, как все-таки паршиво я спал.

В прихожей натыкаюсь на Лауру.

— Прости, солнышко, — говорит она, одновременно натягивая куртку, обматывая шею шарфом и одаривая меня где-то в районе носа громким поцелуем, пахнущим мятной зубной пастой. — Ди-

ко тороплюсь, очень плохо спала сегодня, только под утро толком заснула, и жутко опаздываю. А ты как, выспался?

— Ну, так...

— Ты очень поздно пришел, — говорит она, поправляя толстую вязаную шапку. — Я даже начала беспокоиться, но потом подумала, что у себя в парке ты в полной безопасности и придешь, когда придешь.

— Я пришел...

— Мне правда пора, — Лаура еще раз осматривает себя в зеркале.

Дикий куст ее волос рвется из-под шапки во все стороны, шарф мягкой волной лежит на плечах, очки в большой темной оправе подчеркивают зеленую синеву глаз. Она красавица, моя Лаура, думаю я, страстно желая, чтобы меня не арестовали по подозрению в убийстве прямо сейчас.

— Забегу в магазин — и прямо домой, — говорит она. — Ты не вынесешь мусор? Ведерко с пищевыми отходами уже полное.

Лаура и в этом права. Ведро с биоотходами забито доверху. На долю секунды мелькает мысль: не это ли последнее, что я успею сделать в статусе свободного человека? А что, если потом вспомнить обо мне будут так: Хенри выносил на помойку пищевые отходы, когда его арестовали и дали пожизненное... Хочется потрясти головой, чтобы избавиться от подобных мыслей.

— Наверное, будет лучше...

— Отлично, спасибо, дорогой, — доносится из-за закрывающейся двери. — Увидимся вечером.

В автобусе, по дороге в парк от станции железной дороги, мне наконец-то удастся успокоиться и прийти в себя.

Облегчают мое состояние, как обычно, математика, системный подход и логика. Я распределяю задачи в порядке срочности и важности, потом смотрю, как много времени и ресурсов требует каждая и что я в состоянии сделать для ее решения. Далее составляю программу, по возможности опираясь на анализ вероятностей, а также, если нужно, и на точно рассчитанный бюджет. Мой разум, несколько утративший ясность вследствие недосыпа, подсказывает, что за восемь с половиной минут поездки я наконец обрел то, что нащупывал все утро: четкий план.

Моя первая и наиважнейшая задача очевидна и относится к ночному происшествию и текущей ситуации. Владелец «Сальто-мортале» убит. Установить, что рядом с трупом находился именно я, не составит труда — это лишь вопрос времени. Вряд ли тогда кто-нибудь станет искать настоящего убийцу, особенно после того, как Олави, вероятно, с большой охотой, даст показания, что я напал на него, используя баллончик с краской. (Разумеется, с моей стороны это была самооборона, но кто будет разбираться, если лазурная физиономия говорит сама за себя.)

Значит, в первую очередь мне надо найти убийцу и навести на него полицию.

От успешного решения этой задачи зависит мое семейное счастье и судьба парка. А если взглянуть

на дело с практической стороны, то вся моя жизнь. Когда автобус притормаживает у нужной остановки, я принимаю решение исключить из перечня первоочередных задач участие в рейде за фермерскими продуктами для пиццы и поиск инвестиций для поездки в Париж. Эти дела я смогу уладить, если не попаду в тюрьму или в лапы бандитам (такой расклад не исключен, если о моем ночном визите в парк убийце или убийцам станет известно раньше, чем полиции). И если я не стану банкротом.

Диск утреннего солнца окаймлен багровой полосой, словно, еще не взойдя, светило уже задумалось о закате. Ветер холодит щеки и кончик носа, снег хрустит под ногами. Я пересекаю пустынную парковку. Ни одной машины. Это, конечно, не улучшает настроения, но уже не пугает, скорее, служит напоминанием. Я вхожу в парк и здороваюсь с Кристианом, который дежурит за стойкой. Кристиан не сообщает мне о числе проданных билетов, что только подтверждает мои догадки: продаж нет. Это заметно и по Кристиану — вид у него понурый.

Мне хочется как-то приободрить его, но нужные слова не находятся — голова забита другими вещами, — поэтому я захожу издалека. Ловлю себя на том, что рассказываю Кристиану историю предпринимателя по имени Сандерс, которую услышал на каком-то тренинге на своей предыдущей работе. Сандерс считал, что изобрел нечто новое — куриные стрипсы во фритюре, — и стал искать финансирование для своего проекта. На протяжении нескольких лет десятки потенциальных инвесторов

смеялись над ним, отказываясь вкладывать деньги в дурацкую, по их мнению, затею, но Сандерс не сдавался. Наконец ему удалось набрать небольшую стартовую сумму. Так возникла компания *KFC*. Я не большой фанат мотивирующих историй — заявленные в них тезисы зачастую безосновательны и, как правило, приводятся задним числом, — тем не менее я завершаю свой рассказ на оптимистической ноте: мы не должны отчаиваться.

— На курятине это работает, — возражает Кристиан. — Но у нас-то парк приключений.

— Какая раз...

— Я понимаю, о чем вы, — продолжает Кристиан, — но я немного разбираюсь в курятине, поскольку много ее ем. Ради протеина.

— Я не...

— А этот Сандерс... — продолжает Кристиан. — Я ему не доверяю.

Я в некотором замешательстве: с одной стороны, любопытно, почему покойный создатель успешной американской компании не пользуется доверием Кристиана. С другой стороны, я чувствую, что дискуссия уходит в сторону, а мне пора заняться чем-то более продуктивным. И тут я кое-что замечаю.

Увлечшись разговором, я не обратил внимания, что мы с Кристианом не одни. Оборачиваюсь. В первый момент мне кажется, что это посетители. Ну да, постарше среднестатистических, но ненамного, скорее, просто повыше и пошире в плечах. Но опять же — ненамного. Затем картина несколько проясняется: это двое взрослых мужчин, которые выглядят молодожаво. Возможно, им лет по

двадцать восемь, хотя можно дать вдвое меньше. Особенно если вычесть добавляющие годовых колец мешковатые джинсы и пуховики, из-под которых выглядывают толстовки с капюшонами.

— Хенри, — произносит блондин, неотрывно глядя на меня. — Коскинен.

— Собственной персоной, — кивает второй, темноволосый, с торчащими усиками.

Правые руки обоих ныряют в недра пуховиков. Позвякивание цепочек — и вот, пожалуйста. Полицейские жетоны я узнаю где угодно и когда угодно. Мне неоднократно доводилось видеть такой на шее у Осмалы. Имен не разобрать, но жетоны настоящие.

— Поговорим, — произносит блондин.

Темноволосый не говорит ничего, только касается языком нёба, и из открытого рта вылетают два громких щелчка.

Гости устраиваются в моем кабинете по-хозяйски. Блондин развалился в кресле, словно кости у него потеряли всякую жесткость, закидывает одну ногу на подлокотник и в итоге оказывается в каком-то диагональном положении, которое скорее подошло бы очень уставшему подростку. Темноволосый уселся на стол и болтает ногой, словно ждет родителей, которые должны забрать его из школы. При этом взгляды незваных посетителей нельзя назвать рассеянными. Оба цепко обшаривают глазами комнату, что-то высматривают и словно к чему-то

готовятся. Я, разумеется, не знаю, к чему именно, но имею некоторые предположения. К счастью, за минуту пути от вестибюля до кабинета я успел произвести кое-какие расчеты.

— Можно поинтересоваться, по какому вы делу? — спрашиваю я, садясь в свое рабочее кресло по другую сторону стола.

— Разумеется, — говорит блондин, показывая большим пальцем сначала на себя, а потом на своего спутника. — Моя фамилия Ластумяки, а его — Салми. Мы из полиции Хельсинки, работаем по поручению разных отделов. В управлении штаны не просиживаем, собираем информацию, знакомимся с людьми. И вот, подумали, что сегодня подходящий день, чтобы познакомиться с вами.

Ластумяки одновременно и ответил на мой вопрос, и увильнул от него. Подозреваю, он и сам прекрасно это понимает. Впрочем, я и не думал, что наша беседа окажется легкой.

— Я страховой математик Хенри Коскинен и...

— О том и речь, — говорит Ластумяки. — Мы приехали из Эспоо, и там есть парк, похожий на ваш. Знаете о нем?

Я подтверждаю, что о существовании «Сальто-мортале» осведомлен.

Ластумяки молча смотрит на меня.

— И как бы вы сравнили эти два парка? — спрашивает Салми.

— По каким параметрам?

— Можете сами выбрать, — пожимает плечами Салми и болтает ногой.

— «Сальто-мортале» значительно новее, — говорю я. — Оборудование более новое и дорогое, маркетинг более агрессивный, посещаемость на данный момент выше.

— То есть вы хорошо знаете это место.

— Я бывал там, — киваю я. — И внутри заходил. Салми и Ластумяки переглядываются.

— То есть место более новое и дорогое... — начинает Ластумяки, но я прерываю его.

— Оборудование дороже, — говорю я, — но вход бесплатный. Так что можно сказать, что парк дешевле. В некотором смысле. — И я кратко ввожу их в курс дела.

Ластумяки молчит. Он уже не так разлит по креслу, как в начале беседы.

— Хорошо, — наконец произносит он, — поговорим о владельцах. Вы сказали, что бывали в том парке. И как, встречались с коллегами?

В моем воображении со скоростью молнии мелькают две картины. Олави с физиономией, выкрашенной ярко-голубой краской. И другая — мужчина в ковбойском наряде с гигантским рожком мороженого во рту, лежащий на полу перед огромным бобром.

— Да, я с ними встречался.

— С ними? Вы имеете в виду...

— Я имею в виду четырех мужчин, которых я там встретил.

Салми щелкает языком.

— И что было дальше? — спрашивает он.

— Мы поговорили.

Оба полицейских молчат.

— Вы поговорили, — после паузы произносит Ластумяки. — О чем?

— Я хотел убедить их, что используемая ими бизнес-модель рассчитана на краткосрочную перспективу, — отвечаю я.

Ластумяки и Салми снова переглядываются.

— Что это значит?

— Если предприятие занимается откровенно убыточной деятельностью...

— Я не об этом, — прервал меня Ластумяки. — Вы сами признались, что пытались их убедить. Но как? Каким образом вы их убеждали? Угрозами?

— Разумеется, нет, — отвечаю я совершенно искренне. — Я предложил им свою помощь.

Судя по всему, мой ответ сбил полицейских с толку. Оба, и Салми и Ластумяки, явно задумались над следующим вопросом, а может быть, и о направлении разговора в целом.

— В «Сальто-мортале» погиб человек, — наконец прерывает паузу Ластумяки.

— Неприятная новость. — В моих словах нет ни капли лукавства.

— Владелец парка, — говорит Салми. — Возможно, вы его помните.

— Прекрасно помню, — подтверждаю я.

— Ему еще Клинт Иствуд нравился, — произносит Салми. — «Хороший, плохой, злой». Джесси Джеймс. Кто выхватит пистолет первым.

— Именно, — киваю я, хотя и не понимаю, как все это связано между собой.

— На судмедэкспертизу очередь, — снова включается в разговор Ластумяки, — и результаты не-

много задерживаются. Но мы пока что изучаем, так сказать, индустрию парков приключений. Не исключено, что убийца разгуливает у нас под носом. Не могу объяснить, почему мы так думаем, чтобы не навредить расследованию, но основания для этого есть.

Я храню молчание. Ластумяки и Салми все это время пристально смотрят на меня, и я начинаю испытывать раздражение, даже усталость. Собственно, они этого и добиваются.

— Вы ведь неплохо разбираетесь в этой сфере, — выдержав паузу, говорит Салми. — У вас нет каких-то предположений, почему такое могло произойти?

Этим вопросом я задаюсь с самого утра.

— Нет, — отвечаю я. — У меня нет абсолютно никаких предположений.

После моих слов в кабинете повисает тишина. Только теперь я понимаю, насколько тихо в парке. Ластумяки как будто читает мои мысли. Он снова поднимает большой палец, но на этот раз показывает им себе за спину.

— Как-то очень тихо у вас в павильоне, — замечает он. — Парк еще не открылся?

— Открылся.

— Но, когда мы сюда пришли, у кассы никого не было.

Боюсь, Ластумяки и Салми уже знают о ситуации в парке и о том, почему она сложилась именно так.

— Мы потеряли своих клиентов. Они перебрались в «Сальто-мортале», — говорю я.

— Вот как? — бросает Салми.

— Да, паршивые дела.

— А это не наводит вас ни на какие мысли?

Я понимаю, что Салми имеет в виду. И не могу сказать, что мыслей по этому поводу у меня не возникало. Их у меня было столько, что я среди ночи даже потащился в парк к конкурентам. Но сейчас, в присутствии полицейских, не лучшее время делиться своими соображениями.

— Я не имею к этой смерти никакого отношения, — говорю я совершенно искренне.

Ластумяки и Салми на минуту замолкают, ни один из них не произносит ни звука. Потом, по видимому, обменявшись телепатическими сигналами, они одновременно приходят в движение. Ластумяки поднимается со стула, словно собирая себя из фрагментов. Салми, взлетев со стола, замирает, что после его безостановочного болтания ногами кажется даже странным. Почему-то оба, выпрямившись в полный рост, выглядят моложе и стройнее, и снова ничем не отличаются от обычных посетителей нашего парка.

— Что ж, вот мы и познакомились, — говорит Ластумяки. — Думаю, мы еще зайдем вас проведать.

— Да и вообще тут приятное местечко, — добавляет Салми.

И снова, словно повинувшись какому-то внутреннему сигналу, полицейские одновременно поворачиваются и выходят из кабинета. Я слышу их шаги; потом опять становится тихо. Встаю со стула, выглядываю в окно и наблюдаю, как гости идут к своей машине. Видавший виды трехдверный не-

большой белый «БМВ» заводится и трогается с места, затем разгоняется на покрытой снегом парковке, несколько раз взбрыкивая задом, и, наконец, мчится вперед. Как будто за рулем только что получивший права новичок.

Пакет с пищевыми отходами стоит за дверью на коврик в прихожей. Он набит под завязку и воняет на всю квартиру. Лаура Хеланто принесла его из кухни, потому что утром я о нем забыл. Вообще-то забывчивость мне не свойственна, но я не хочу пускаться в объяснения. С пакетом в руке возвращаюсь в морозную темноту и бросаю пакет в контейнер. Остаток вечера и даже ночью в постели меня не покидает ощущение, что зловонный пакет все еще стоит посреди гостиной, непосредственно под носом у каждого из нас — Лауры, Туули и даже Шопенгауэра. И что все мы знаем об этом, но стараемся говорить о чем-то другом.